

меркнет» — полнокровные, художественно цельные образы, а в другом (стр. 166—214 и 223—245) — убедительно опровергает эту мысль.

Таких противоречивых моментов в книге немного. Но мы говорим о них потому, что они помешали автору еще глубже проникнуть в суть творческих исканий Айбека.

Лучшие страницы исследования посвящены романам «Священная кровь» и «Навои». В этих произведениях М. Кошчанов находит «художественный синтез качественно новых изменений в судьбах героев, обусловленных социальными мотивами жизни, ее диалектикой и закономерностями».

Разбирая художественную структуру романа «Священная кровь», автор особое внимание уделяет анализу сюжетных особенностей произведения, его архитектоники. В таком же плане рассмотрено критиком мастерство создания характеров в романе «Навои», тонкость психологического анализа у Айбека, его умение показать связи психологии героев с «драмой самой эпохи, которая потрясла весь народ, всю страну в условиях феодального деспотизма». Таким образом, М. Кошчанов не замыкается в узких рамках сугубо эстетических проблем, — поэтика отдельного произведения, особенности творчества писателя в целом, связи его с историей,

с общественными проблемами, современностью — все это в анализе связано воедино.

Во второй части книги, состоящей из таких глав, как «Идея и композиция», «Конфликт и действие», «Метод и мастерство», М. Кошчанов правильно отмечает, что в подлинно реалистическом произведении каждая деталь, каждый эпизод служат выявлению основных черт героев, правдивому изображению жизни, причем все компоненты художественной формы взаимосвязаны, подчиняются единой эстетической задаче. Он вполне обоснованно полемизирует с теми критиками и литературоведами, которые, говоря о построении образа, выявляя отдельные детали и эпизоды, принципы систематизации образов, упускают из виду то, во имя чего все это делается, то есть игнорируют художественную цель писателя, авторскую идею, которая и является своеобразным «компасом» для создания образа, типа и характера.

Книга «Мастерство Айбека» написана живо, темпераментно, в ней впервые в узбекском литературоведении обстоятельно исследован, обобщен многолетний и ценный художественный опыт одного из основоположников узбекской литературы социалистического реализма.

Н. ХУДАЙБЕРГАНОВ

г. Ташкент

ИСТОРИЯ НАРОДНОЙ СКАЗКИ*

В фольклористике происходит поворот к историческому изучению конкретных жанров. И не случайно вслед за монографиями о том, как жизнь русского народа воздей-

ствовала на судьбы его песенного эпоса и лирики, появилась ныне монография о творческой эволюции русских сказок XVIII—XX веков. Книга Э. Померанцевой основывается на многолетних исследованиях автора и подводит некоторый итог до-

* Э. В. Померанцева, Судьбы русской сказки, «Наука», М. 1965, 219 стр.

стижениям советского сказковедения.

Э. Померанцева выявляет этапы, ведущие тенденции развития русского сказочного эпоса и отдельных его видов, анализирует фольклорный процесс во всей его сложности. Фантастический вымысел связан в нем с действительностью, напластования разных эпох образуют живую, цельную художественную ткань, национальные элементы содержания и формы сливаются с межнациональными, индивидуальные стили сказочников подчиняются коллективному творческому началу, что обуславливает устойчивость варьируемого устного текста. Эти внутренние закономерности соотносятся в монографии с особенностями периодов национальной истории. «Сказка,— пишет автор,— меняется в зависимости от... эпохи, народа, социальной среды, аудитории» (стр. 22).

Записями сказок Древней Руси мы не располагаем. Догадки о древнерусской сказочной традиции имеют своими источниками косвенные свидетельства, литературные памятники и сопоставляемые с ними поздние устные тексты. Накопленные же фольклорные материалы XVIII столетия, в частности разыскания самой Э. Померанцевой, побуждают ее начать рассмотрение истории русской сказки с этого периода. Устанавливая фольклорное происхождение некоторых текстов беллетристических сборников 1770—1790-х годов, Э. Померанцева делает ряд новых выводов. Например, она устанавливает, что Евграф Хомяков, составитель незаурядного сборника «Забавный рассказчик» (1791), и известный сочинитель «Ваньки Каина» Матвей Комаров — одно и то же лицо. «Если это так, то значение Комарова в истории русской фольклористики вырастает до значения крупнейших писа-

телей-фольклористов XVIII в.— Чулкова, Левшина, Курганова» (стр. 56). Несколько десятков записей XVIII века не дают возможности выяснить репертуар и судьбу сказок целой эпохи. Но ранние их рукописные фрагменты и особенно первые публикации, безусловно, говорят о полнокровной жизни в XVIII столетии сказки с ее богатой обрядностью. Они дают представление и о социальной остроте тогдашней антибарской сказки, об оригинальных сюжетах и мотивах, которые потом изменились или перестали бытовать.

Благодаря обилию текстов, и прежде всего сборнику А. Н. Афанасьева, становится очевидной важнейшая особенность сказки первой половины XIX века — отражение в ней крепостного права. Русская сказка данного периода, как подчеркнуто в монографии, предстает во всем своем национальном своеобразии и поэтическом очаровании, хотя уже тогда началось угасание эпической традиции. Э. Померанцева делает наблюдения над внутрижанровыми видами классической сказки, не одинаково испытывающими влияние современности. Убедительно, например, замечание, что «разнообразнее в русской волшебной сказке положительные женские образы». Правда, с излишней категоричностью исследователь противопоставляет «единый обобщенный собирательный образ положительного героя» образам героинь с их якобы «неповторимыми индивидуальными чертами» (стр. 89). Интересны также наблюдения над тем, как «уже в половине XIX в. намечается тенденция волшебных сказок к бытовизму» (стр. 98), как проявляется условность «сказочного» реализма в сатирическом жанре (стр. 101).

В сказке пореформенной эпохи

Э. Померанцева видит наряду с признаками распада традиции творческое обновление. Теперь в сказке часто рисуется расслоение деревни, рост власти капитала и выражается сознание непрочности царского строя. Изменились сказочные герои, сами рассказчики и их слушатели.

Анализируя мастерство и стиль сказочника А. Новопольцева, Э. Померанцева устанавливает связь его творчества с древнерусской скоморошьей традицией и протестом пореформенного крестьянства, говорит о необычной трактовке традиционных образов, оригинальной сюжетной и словесной ткани новопольцевских сказок. Материалы начала XX века дали автору «возможность глубоко заглянуть в творческую лабораторию большого числа носителей и творцов народной сказки» (стр. 139), чтобы охарактеризовать изменения, внесенные в устное творчество предреволюционной эпохой. В XX веке усиливается книжное влияние на сказку, она насыщается актуальными для этого периода эпизодами, в ней отражаются новые народные представления, новые революционные чаяния. Сказка переживает кризис.

Испытывая воздействие советской действительности, традиционная сказка разрушается и одновременно обогащается новыми чертами. Этот противоречивый процесс прослеживается в последней, самой яркой главе книги на материале творчества выдающихся советских сказочников — Б. Шергина, И. Ковалева, А. Корольковой и целого ряда других. Вдумчивый анализ приводит автора к выводу, что секрет жизнеспособности сказки в богатстве ее образного содержания и красоте формы, которые за двести лет изменились лишь в деталях. Сказка «сохраняется как наследие

и медленно приближается к своему неизбежному концу в фольклоре и к новой фазе жизни в книге» (стр. 209).

Книга Э. Померанцевой — неоспоримое доказательство возможности и плодотворности изучения истории национальной сказки. Вместе с тем в монографии отразилась неразработанность многих проблем сказковедения.

Недостаточным представляется нам определение жанра сказки как устного произведения «с установкой на вымысел» (стр. 7), так как установка на вымысел имеется и в некоторых позднейших мифах, легендах. Неясным остается (в монографии и в других современных исследованиях) своеобразие именно сказочного вымысла и его эволюция в различных жанрах сказки. Дает себя знать в книге и неупорядоченность классификации сказочных жанров. Спорно, например, отнесение легендарных сказок к волшебным, в которых мерцание веры в чудесное получает специфическое художественное выражение. Фантастический вымысел в сказках о животных неотделим от господствующих в конкретной народной среде образных представлений о животных. Но эта связь мало исследована сказковедами, что заметно и в рецензируемой монографии. В истории русской сказки большую роль играет ее взаимодействие с другими видами народной прозы и с украинским, белорусским фольклором, а также с фольклором (сказками) неславянских народов нашей страны. Но это взаимодействие еще мало изучено. Надо надеяться, что выход в свет книги Э. Померанцевой явится стимулом к дальнейшему исследованию спорных сказковедческих проблем.

Л. БАРАГ

г. Уфа